

ОБРАЗОВАНИЕ — ЭТО УСЛУГА ИЛИ ТОВАР?

Такой простой, казалось бы, вопрос. Почти у каждого читателя наверняка найдётся свой ответ. «Конечно же, товар», — скажут одни. «Ясное дело, услуга», — рассудят другие. «А какая разница?» — пожмут плечами третьи...

Педагогика развитого плюрализма

Это, безусловно, хорошо для общества, достигшего этапа развитого плюрализма. Но совсем не хорошо для педагогики, которая обязана производить, помимо «личных» (этого хватает), ещё и научно подкреплённые, неконъюнктурные ответы на фундаментальные вопросы.

Горько признать, но именно таких ответов у науки нет. Зато сумятицы в академических доктринах и умах по-прежнему сколько угодно. В этих условиях инициативу перехватывают известные политики, литераторы и даже шоумены. Надо же помогать педагогическим светилам откликаться на вызовы времени! Пусть высокочтимые дидактики-когнитивисты отдохнут, а мы пока всем миром погадаем: услуга или товар? Товар или услуга?

Знаменитый детский писатель, отец пятерых детей: «Если разобраться, то школа — это та же сфера услуг, только интеллектуальных. И если она обеспечивает моего ребёнка услугами обучения, то я должен их оплачивать».

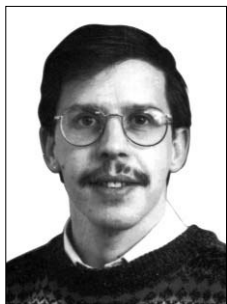
Видный политик, руководитель крупнейшего вуза уверен, наоборот, что образование — товар, но особый. С отложенным сроком употребления: «Покупая яблоко на рынке, вы его кусаете и сразу видите, что оно червивое; а когда вы покупаете образование, то только через пять лет понимаете, что вас учили не тому». Хитрый товар! Его не удаётся сразу надкусить, вот и приходится годами верить на слово тому, кто им торгует. Многие, кстати, поступают так и на обычном рынке: прежде чем сделать покупку, внимательно смотрят в глаза продавцу, то есть оценивают человека, а не предлагаемую вещь. А после, в случае удачи, ходят только к своему, «проверенному» киоскёру или хозяину лавки.

А вот руководитель страны Владимир Путин, судя по всему, относит школу всё-таки к сфере услуг. Напомним, отвечая 19 декабря 2002 г. в прямом эфире на вопрос одного из волгоградских преподавателей по поводу очередной истории с зарплатой, Президент сказал буквально следующее: «Труд бюджетников должен оплачиваться, исходя из качества и объёма оказываемых **услуг**. Не следует платить лишь за то, что организация существует. Деньги должны следовать за **услугами**» (выделено авт.). И далее: «При переходе на такую форму отношений можно будет уменьшить численность занятых, одновременно увеличив доходы работников отрасли».

Любопытный нюанс: в позапрошлом году, на аналогичной «прямой линии» лидер страны говорил о просвещении как об особом социальном институте, принципиально изолируя его от остальных бюджетных сфер. Цитируем по стенограмме: «Что касается школ. Отдельная тема совершенно... И здесь вообще нет никакого страхового принципа. Здесь только может быть прямое финансирование...»

Да, год назад — «отдельная тема», а в этот раз — никаких исключений. Образование, культура, медицина поставлены главой государства в один ряд, перечислены через запятую. И то, и другое, и третье — **сфера услуг**, оказываемых населению. Без оговорок.

Ещё одно доказательство такой, бесспорно, знаковой перестановки Президентом стратегических акцентов страна получила 11 февраля 2003 г., на сей раз из Парижа. Выступая на берегах Сены перед французскими бизнесменами, В. Путин снова повторяет себя чуть

Антон Зверев,
обозреватель
«Российской
газеты»

ли не под копирку: «Если мы говорим о бюджетном финансировании, то, по моему глубокому убеждению, финансировать надо не само учреждение, не больницу, не учебное заведение, как таковые. Платить надо за качество и количество оказываемых **услуг**. Это общий принцип, который нужно реализовать в нашей стране...»

Где же реакция официальных идеологов на столь, прямо скажем, неожиданную и крутую перемену политических ветров?

Увы, вместо внятных комментариев снова бурлит знакомая разногласица, помноженная на теоретический туман. Позволим себе несколько самых типичных и красноречивых выдержек из прессы.

«Образование — это, конечно же, **услуга**, но асимметричная. Тонкость тут в том, что клиент по молодости лет и из-за отсутствия необходимых знаний не в силах оценить качество предлагаемых ему отдельных занятий, а тем более всего ассортимента школьных наук», — пишет солидный экономический журнал.

«Чем больше у человека знаний, тем больше денег он будет зарабатывать. Стало быть, знание — это универсальный **товар**», — возражает экономистам не менее уважаемое философское издание.

Ясности нет. Да, впрочем, и особого желания её достичь тоже. Хотя на третьем году модернизации образования не мешало бы, в общем, понять, что же представляет собой сам объект реформирования: универсальный **товар** с отложенным «сроком» употребления или же глубоко асимметричную **услугу** с явно выраженным сакрально-ритуальным профилем?

Нужна ли школа, если есть «товар»?

Пойдём от противного: если это товар, то зачем «в него ходить»? Купи его в книжном ларьке, закажи в общественной библиотеке, скачай из Интернета, и весь разговор.

Ещё Лев Толстой никак не мог понять, почему, например, профессор университета не издаст все свои лекции отдель-

ной — брошюрой, которую можно листать вдоль и поперёк, в своём темпе, последовательности, в любое удобное время. И главное, не выходя из дома.

С тех пор прошло немало лет, а человечество всё так же задаётся, казалось бы, наивно-дилетантским, толстовским вопросом: зачем мы ходим в школу? Тем более теперь, когда умные мысли можно отправлять и так же быстро получать в любом объёме хоть с другого конца света — по телеграфу, телефону, факсу, Интернету; размножать в виде газет, кассет, пластинок, лазерных дисков, радио-, телепередач...

Что остаётся делать в новых, небывало жёстких конкурентных обстоятельствах учителю, системе наробраза? Ясно: готовить молодежь к ЕГЭ, к поступлению в вуз. В этом теперь принципиальная, приоритетная задача средней ступени образования? Если да, то школу и на самом деле можно сильно упростить — до уровня товара. Зачем, допустим, ей тогда бассейн, студия танцев, производственная мастерская, театральный зал с библиотекой?

К чему Человеку, который звучит гордо, заниматься такими низкими, недостойными «венца природы» делами, как разучивание аргентинского танго, консервирование фруктов или резьба по дереву — в одноимённых творческих кружках? Мы что, страну танцоров, официантов и сантехников готовим в школьных классах? Упразднить! Излишки школьных площадей — раздать предпринимателям под сауны и тренажёрные залы! (Что потихонечку, кстати, и происходит под предлогом демографического кризиса и столь же бесконтрольно нарастающей терминологической путаницы в так называемой науке — педагогике.) То есть получил сухим пайком набор учебных материалов — свой товар — и гуляй, ни в чём себе не отказывай! Мы вручили, ну а «взял» ты или нет, это уже твои, отдельные проблемы.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Что думают об услуге полного дня известные политики, родители, учёные?

Сегодня для многих очевидно, что между школьным классом и открытой поисковой студией не стены нужно строить, а мосты. Именно так поступают в цивилизованных странах. Двери учебных заведений, будь то в Амстердаме или Токио, отнюдь не закрываются вместе с последним звонком. Класс, внутришкольное пространство принято считать на Западе достаточно комфортным, защищённым местом, чем-то вроде второго дома для детворы. Спорт, вкусная кухня, интересные кружки, спектакли, праздники... Всё это сочетается с уроками настолько органично и продуманно, что никому, кроме преподавателей, в голову не приходит волноваться за безопасность и здоровье «младшего мира».

Похоже, западные реформаторы давно смекнули, что любая школа на 90 процентов занимается ПРИСМОТРОМ за растущим поколением. При этом жёсткая школа «выдаёт» классно-урочный присмотр на полдня, а либеральная — мягкий, гостеприимный, более честный уход за нашим будущим. С утра до вечера.

Обществу выгодно, ученикам удобно. А у государства что — другие интересы? Разве оно у нас не заинтересовано в снижении числа ребят, выталкиваемых ежедневно в бомжи, наркоманы, алкоголики, криминальные авторитеты пресловутой, скроенной еще по большевистскому двухсменному фасону школой неполного дня?

С этим вопросом мы обратились к профессионалам. Вот какая получается картина.

Ярослав КУЗЬМИНОВ, ректор Государственного университета «Высшая школа экономики», один из «отцов» плана модернизации российского образования:

— Мне исключительно нравится идея, я бы сказал даже шире — идеология школы полного дня. Она создаёт пространство выбора для ребёнка, территорию свободного общения, в том числе и для учителей разных предметов. Сейчас, давайте признаемся честно, это учителя в основном поурочные: придут, отчитают материал и — на всех парах в другую аудиторию, если не в другую школу. У них нет времени зачастую даже просто на работу с детьми, не говоря уже про то, чтобы сделать эту свою специальность сколько-нибудь творческой. Так что идея хороша.

Только обрстая одеждой добротных услуг (от собственно обучения, педагогической поддержки и до частных консультаций, творческих конкурсов, праздников, экскурсий, познавательных игр и пр.), **КНИЖНОЕ** знание действительно становится образованием, а школа — школой. Мы же уронили (термин А.И. Солженицына) так, что ниже некуда, и отобрали свою школу донага, до нитки, освободив от всех и всяческих товаров и услуг, а после сделали великое открытие. **Оказывается, то, что от нашего образования осталось, каждый ребёнок может получить и за его порогом!**

По мнению философа и педагога Милослава Балабана, приобрести знание так же легко, как губную помаду, картошку или пальто, обычно не удаётся. Сам по себе факт покупки в этом случае ещё не обеспечивает обладания товаром. Даже губную помаду нужно долго «примеривать», пуская непрерывно в ход, прежде чем оценишь эффект, который она производит на окружающих, и лишь тогда она станет окончательно «твоей». То же товар с отсроченной оценкой. Чем же он отличается от школы? Принципиально? Да ничем, пожалуй, кроме одного — помаду можно покупать везде и всегда. Моё дело: сегодня взял в дорогом магазине, а завтра в киоске. Эта изначальная свобода потребителя пользоваться сразу всем рынком в своих интересах и порождает новые и новые услуги конкурирующих между собой коммерсантов-торговцев. А школу — извините! — впаривают нам без лишних слов на десять лет вперёд. Вместе со всеми товарами, контрольно-измерительными процедурами, замученными жизнью продавцами-учителями, графиком звонков и жидким чаем в буфете.

Однако точно так же, как к парикмахеру мы являемся не за шампунем вовсе или ножницами, а к стоматологу — не за бор-машиной, так и в школу приходим за услугами, а не за рабочим инструментом педагога: книгами, глобусами, микроскопами и пр.

Новых изделий обществу учитель не поставляет. Новых людей — тоже. Это Ян Амос Коменский (великий автор классно-урочной системы и не менее заметный деятель церковной реформации в средневековой Чехии) мог думать, что его школа, обучая «всех всему» (на самом деле только одного из десяти учеников) и мимоходом «исправляя нравы», тем самым совершенствует саму породу homo sapiens, выпуская в свет чуть ли не сплошь энциклопедистов, мудрецов и праведников с крылышками. Но мы-то с вами, читатель, живём не в семнадцатом веке!

Школа производит не людей и не товары, а, конечно же, услуги. Вот её миссия на рынке — это самая мощная и массовая индустрия общеразвивающих услуг, где:

— «потребитель» и «продавец» вступают в долгосрочное **сотрудничество** (ключевое для российской школы слово!) друг с другом. Напомним, что самая весомая, можно сказать, рекордная «доля сотрудничества» во всём глобальном экономическом пространстве приходится именно на **образовательную** услугу;

— «продавец» обязан профессионально изучать и откликаться на сиюминутные «сигналы», вызовы и интересы клиентуры. Иначе го-

воря, постоянно выступать в роли даже не классного, а индивидуального наставника, руководителя, координатора, советчика; — стратегия неумолимых требований, одиозных ЗУНов мягко уступает место педагогике поддержки, а с ней и стратегии массового **научения** (взамен традиционной парадигмы **обучения**); — главной услугой, оказываемой этой индустрией разом в три адреса (по отношению к детям, их родителям и к государству), следует признать услугу полного дня, позволяющего уместить в себя богатыейший «разносол» творческих клубов, кружков, факультативов, спецкурсов и студий по всей палитре детских интересов.

Как совместить теорию и практику

Скажут: опять демагогия! Дескать, в теории школа — великолепная сфера услуг, всецело послушная вызовам времени, общества, учеников. Тогда как на деле, по факту — такой же, что и всегда, рутинный конвейер по сборке «человеческого капитала» из отдельных блоков, шурупов и шестерёнок: общеобязательных учебных курсов, классов, уроков, предметов или даже новомодных компетенций.

Даже на высшей ступени образования — та же, по сути, игра в детский конструктор. Взрослых студентов опять «составляют» и «строят» по расписанию, согласно некоей загодя известной схеме идеального специалиста. По тому же, в общем, алгоритму, что и новобранцев-первоклашек. Вот уж и вправду — идеи Коменского всеильны, потому что верны!

Сколько ни тверди, что человек не вещь, не винтик, не сырьё, не порожний сосуд, а мера мира, цель прогресса, первообраз гармонии и тому подобные высокопарные восклицания... Короче, сколько ни цитируй наших златоустов-классиков, слаще от этой пропагандистской халвы никому не становится.

Хуже того. В макроэкономическом разрезе получается картина ещё более тоскливая.

Смотрите: государство (первый и главный «покупатель» на рынке образовательных услуг) платит, согласно закону, за их предоставление «продавцу», системе просвещения. Следовательно, государство определяет на 90 процентов репертуар — обязательные для исполнения школьные услуги. Мало того, оно вдобавок ещё и непрерывно аттестует не только «продавца» (это понятно и законно), но и псевдоклиента (ученика) на предмет качества исполнения своего заказа. Каждую четверть содержимое детских голов проверяют при выходе из «магазина»: сколько и чего там уже сформировано?..

Эта жёстко тоталитарная схема практически не оставляет места для сколько-нибудь самостоятельных решений и манёвров ни ученику, ни учителю. Все главные кресла и роли узурпировали государственные люди — высокопоставленные методисты, финансисты, идеологи и контролёры-управленцы. Они диктуют школе содержание программ, организуют проверку их усвоения и, наконец, платят подведомственной им системе за всю эту музыку (не оставляя, разумеется, в обиде и себя).

Самое главное — не довести до абсурда. Пусть дети, которым это нужно, останутся в школе до вечера, это их, подчёркиваю, право (хотя пока и нелегальное). Но пусть и для тех, кого за пределами классов ждут дела поинтереснее, полный день останется точно таким же добровольным, личным выбором.

Нинель ЛОГИНОВА, журналист, бабушка с большим педагогическим стажем:

— Волею обстоятельств мой 11-летний внук Артём около года проучился в Лондоне, в бесплатной государственной школе, и несколько месяцев во Франции. Действительно, детей в обеих странах школа, так скажем, обслуживает до четырёх часов, но при желании можно задержаться и подольше. Желающие находятся почти всегда, поскольку далеко не все родители освобождаются к этому часу.

Как строится полный день по-английски? Нескольких уроков, потом ланч (вы не поверите, столовская еда не отличается по качеству от домашней!), игра во дворе, снова уроки, и ежедневно — часовой «национальный» футбол (самый неотменимый тут вид спорта) где-то в середине дня.

Во Франции та же история: всё успевают в течение «длинного дня», поэтому на дом, как и англичане, задают лишь раз в неделю, в пятницу, и очень мало. Вместо английского футбола — обязательный спортивный урок, но тоже каждый день. Ролики, самокат, велосипед, мячи — всё идёт в ход: рядом со школой много парков. В общем, не знаю, как у политиков, но у российских детей такая форма организации занятий, думаю, пользовалась бы немалым успехом.

Владимир ЯКОВЛЕВ, председатель ЦК отраслевого профсоюза:

— Конечно, я за полный день всеми руками — как родитель, педагог, политик, гражданин. В школах Австралии, Финляндии, Японии и даже Эстонии классы принадлежат ученикам с восьми до четырёх-пяти часов. Помимо прочего, тут скрыт чисто экономический расчёт: каждый квадратный метр, прибор, компьютер, верстак, спортивный снаряд должен работать на полную катушку — круглый день, нон-стоп.

Поэтому, вероятно, ни разу в своих зарубежных странствиях я не встречал детей, массово, табунами скачущих домой после уроков. Я, например, точно знаю, что правительство Франции выдаёт коммерческим структурам и родителям — помощникам педагогического персонала — специальные лицензии на

право «перебивать» учебный процесс всевозможными рукодельными кружками, подвижными играми, дополнительными курсами.

Вы спрашиваете: а чем занят учитель? Ответ: согласно рекомендациям ЮНЕСКО, европейская ставка школьного преподавателя (23–24 часа в неделю) включает в себя обязательное время на работу с родителями, беседы с детьми, визиты в семью и т.д.

Возможно, кто-то возразит: мол, это идеальная картинка, не до жиру и прочее! Что ж, я тоже реалист. Но, кстати, лучшие школы Москвы уже давно работают «non-stop», не выгоняя детвору после обеда в пустые квартиры. Поэтому если мы остаёмся социальным государством, то равняться надо на лучшее. И перенимать. Перефразируя слова известного литературного героя, я бы так сказал: школа — не храм, а мастерская и ученик в ней — не безликий винтик, не статист, но и на самом деле АВТОР своего образования.

Владимир ФИЛИППОВ, министр образования РФ:

— Школа полного дня с естественным чередованием спорта, уроков и развлечений — это, конечно, еще не альтернатива рутинной классно-урочной системе, но что-то куда более живое, притягательное и для детей, и для многих семей. В принципе это разумная идея, но её надо, как говорится, докрутить, «положить» на наш менталитет.

Этой зимой в Лос-Анджелесе довелось мне видеть любопытную картину. Представьте, центр города, жизнь кипит, а прямо перед школой разбита лужайка, где играют дети — каждый день по полчаса, в любое время года. Это называется у них урок движения. Эх, побольше бы таких уроков нашим малышам! Но, перенимая этот опыт, мы тогда и учителям должны платить если не по американским стандартам, то хотя бы «в среднем по промышленности», как инженерам на производстве. Если платить так, то никто из них, уверяю, не откажется работать полный день. Хотя вопросов масса: как, скажем, будут работать преподаватели в условиях полного дня — повахово, сменяя друг друга, или же полный восьмичасовой рабочий день? Не менее важно решить, сохраняем ли мы традиционную поурочную систему оплаты педагогического труда. А если нет, то что взамен? Эксперимент необходим, но его нужно тщательно продумать. Пользуясь случаем, хочу пригласить к такому размышлению всех болельщиков образования, включая, разумеется, специалистов. Давайте думать вместе!

Снова пройдем по кругу всю цепочку. Государство заказывает самому себе (ибо, как ни крути, но школа у нас государственная) комплект «магистральных» услуг, само их спонсирует, оценивает и — закономерный хэппи энд — само потребляет желанный комплект. Вот где сплошная асимметрия!

И вот почему школа, по большому счёту, лишь притворяется, что занята передачей знаний от науки к ученику. На самом деле она служит государству, а не детям. Монополия! Отсутствие реального клиента, постоянно разрушая рынок, и превращает школу в антисервис, где не производители услуг (то есть учителя), как следует из всех экономических законов, а их потребители (ученики) состязаются друг с другом, доказывая государству свою «зрелость».

Но тут уж, видно, ничего не сделаешь: без пресловутого «экзамена на чин» (определение Льва Толстого) школа перестает быть школой. «Выделенные из рутинной жизни школьные испытания свойственны человеческой природе. Экзамены были и будут всегда соревновательным, игровым (NB! — А.З.) методом контроля «усвоенности» материала», — пишет по этому поводу известный экономист, профессор Евгений Сабуров. И далее: «Их технология, сама идея возникли вместе с человечеством и только с ним умрут».

Есть, стало быть, и такая версия касательно природы школьного образования. По мнению Е. Сабурова, это не столько услуга или товар, сколько особый вид игровых состязаний. Возможно, это так. Однако верно и другое: если экспансии класс-школы не препятствовать, то все уроки и предметы неизбежно превратятся (и час этот близок) в бессмысленные спортивные соревнования всех со всеми за обладание столь же бессмысленной для общества бумажкой, в которой проставлены, к сожалению, вовсе не игровые, а вполне серьёзные отметки, определяющие судьбу выпускника.

Конечно, корочку с хорошим вкладышем можно сегоднякупить и на улице, но что остаётся после лукавой школьной гонки на душе? Это уже самооценка, пожизненный комплекс вины перед всемогущим государством. Или, наоборот, синдром полноценности, уверенность в своей избранности, безнаказанности, неуязвимости. Вот и судите, что хуже для окружающих и самого человека...

Замкнутый круг. Но как же его разорвать?

Или иначе спросим: как демонополизировать, разбюрократить казённую школу-услугу? Вернуть образованию нормального клиента — во всём многообразии его задатков, прав и интересов, сделав фабрику знаний не «псевдо» и не «как бы», а настоящей, честной педагогической службой, заменяющей семью, пока родителей нет дома? Есть ли лекарство, способное вылечить школу от врождённой мании величия, ослабив классно-урочный нажим на детей?

Мы предполагаем, что таким снадобьем разностороннего действия (одновременно для школы, государства, общества и для ребёнка) может стать идея полного дня. Это не панацея, «полный день» способен лишь **помочь** школе Коменского при прочих попутных ветрах стать услугой, столь необходимой обществу, страдающему от

многомиллионной беспризорности, сиротства при живых родителях, всё более массового озлобления и бездуховности детей.

Это лишь первый шаг. Но абсолютно необходимый.

Мы говорим: «полный день», подразумеваем — «продлёнка»?

Недавно, комментируя сюжет вокруг так и не принятых образовательных стандартов, министр образования РФ Владимир Филиппов неожиданно заговорил о недостатках... классно-урочной системы. Главный секрет её живучести, предположил министр, не столько в экономике, сколько в общественных традициях, в привычках людей. Цитируем: «Даже если завтра я издам приказ, чтобы вместо **устаревшей** (NB! — А.З.) классно-урочной системы все школы России перешли на совершенно иной принцип преподавания, революции не произойдёт. Да и нет в этом необходимости — экспериментировать с огромной, многонациональной, поликультурной страной».

Прежде всего, что интересно: ни один министр ничего подобного пока не говорил. Итак, модель «Коменский» безнадежно устарела. Смелое признание в устах политика такого ранга! Тем не менее школа-тиран по-прежнему сильна, не поддаётся ни реформе, ни модернизации.

Вот до чего дожили: Коменский мешает прогрессу, но всё-таки непобедим. Спорам конец?

Нет, продолжают спорить, идут дальше. Предлагают варианты выхода из классно-урочной ловушки.

В рамках класс-школы, заявил не так давно в Госдуме ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов, не удаётся решить даже такую, казалось бы, дежурную проблему педагогики, как укрощение строптивых перегрузок. Вместе с тем именно школа «non-stop», ШКОЛА ПОЛНОГО ДНЯ, по словам Я. Кузьмина, позволяет избегать учебных стрессов, равномерно чередуя отдых и труд в течение полного, вось-

мичасового (но обязательного лишь для педагогов) рабочего графика.

Лекции в аудиториях, перемежаемые плаванием, фехтованием, верховой ездой, уединёнными досугами, литературными салонами. Именно так, напомним, строился каждый «рабочий день» у товарищей Александра Пушкина по Александровскому Царскосельскому Лицею. Так же примерно он выглядит и в наше время в дорогих столичных полупансионах, скрытых, увы, от общества за высокими заборами и щедрой зеленью пригородных парков.

Кто против? Народ только «за»! Принципиальная деталь — услуга «полного дня» упраздняет задания на дом: дети готовят их в школе, избавляя милых предков от необходимости тиранить молодое поколение по вечерам.

В этом смысле у Единого экзамена и у проекта «Полный день» есть общая черта: оба эксперимента экономят силы, нервы и здоровье — всем! Больше того, ЕГЭ и Полный день, как выясняется, очень нужны друг другу.

Посудите сами: нет полного дня, не найти и управы на школьные стрессы. Школа неумолимо превращается в придаток к вузу, в массовые репетиторские курсы для всей детворы без разбора.

А убери ЕГЭ, тогда и услуга полного дня теряет привлекательность для большинства нацеленных на вуз ребят.

Осталось лишь понять, как отличить достойно прожитый, культурный Полный день от печально известной продлёнки — заурядной камеры хранения детей, но, так сказать, увеличенной площади.

Нужен критерий, строгий, надёжный индикатор «классности» подобных школ.

Боюсь, читатель, дальше нам не обойтись без маленького отступления... на ту же, впрочем, тему.

Итак: образование, как многослойная матрёшка, заключает в себе множество разновеликих услуг. Вот, например, обычная отметка в дневнике. Парадокс: с ней воевали, её проклинали, гнали в шею лучшие умы на протяжении столетий. А она пережила всех своих перестройщиков,

В пользу уклада «Полный день» высказалась и первая леди страны. В таких условиях, по мнению Л. Путиной, проще будет перейти к новой системе финансирования труда учителей — то есть оплаты не за формальное число уроков и не только за уроки, а за всю работу с детьми.

Кстати.
По данным МВД России, ежегодно около двух миллионов детей в возрасте до 14 лет становятся жертвами семейного насилия. В 1996 году около 2 тысяч несовершеннолетних покончили жизнь самоубийством. Каждый седьмой ребёнок (напоминает Минтруда России) воспитывается без отца, а каждая четвёртая женщина рождает, не имея мужа. Плюс миллионы юных «диссидентов» — беспризорников, хронических прогульщиков, бродяг...

Надо ли говорить, что для подавляющего большинства полный день — это не прихоть, а действительно насущная услуга, отпускаемая по прямому требованию пользователя: ученика или его родителей.

страстных гонителей и упразднителей. От Ж.-Ж. Руссо до Александра Нилла и Ивана Иллича... Загадка!

Или Единый государственный экзамен «по-русски»... Спрос на него сегодня в регионах просто сумасшедший. Это при всех огрехах и скандалах. Почему?

Дело в том, что школьная оценка (выпускной экзамен) — самая что ни на есть первейшая, первичная услуга, **именно услуга** педагогика Коменского. Шутка сказать: она оправдывает пребывание ребёнка в школе. Придаёт классно-урочной лестнице понятную, заманчивую, строго юридическую цель. Стимул, динамику, азарт, интригу. А в финале — блеск заветных корочек.

Так что производимая школой поголовная сертификация и сортировка «маленького» населения по аттестатам — грандиозная услуга! Пережиток? Может быть. Но прочно вписанный во всепланетную культурную традицию. А потому священный, неприкосновенный, неизбежный.

Школа единого экзамена тем и сильна, что выдаёт одноимённое свидетельство, оно же пропуск в вуз, о небесцельно прожитых годах за партией. А вот работа в кружках полного дня ничем таким пока не знаменуется, она вообще никак не закрепляется документально.

Однако свет в конце тоннеля, кажется, забрезжил. Вот что недавно заявил В.М. Филиппов в ответ на вопрос о правилах приёма в профильные классы. Цитируем: «У каждого ученика будет «портфолио», индивидуальный учебный портфель достижений — результаты районных, областных олимпиад, интересные самостоятельные проекты и творческие работы. Это очень важно при определении готовности школьника к углублённому изучению предметов».

Выходит, скоро у егэшного свидетельства появится достойный конкурент. А именно портфолио, тот самый индикатор качества Службы полного дня, отмечающий особые ус-

пехи школяра в студийном, неакадемическом пространстве расписания.

Сертификат доверия

Подведём итоги. Принцип «Деньги пойдут за услугой» может быть осуществлён не раньше, чем образование действительно откроет себя обществу — станет доступной, цивилизованной и полноценной услугой. А не набором обязательных визитов и стандартных воспитательных мероприятий, как сейчас. Помочь самодвижению образовательных систем к заветной цели и призван новый, альтернативный механизм сертификации работы педагогов и учеников.

Комплект именных поощрений-наград будет служить одновременно и «визиткой» — документальной распечаткой произведённых услуг, и «знаком качества» полного дня. И, главное, двигателем, пусковым механизмом для новой, более честной и свободной, постиндустриальной школы.

Таким образом, будущее тоталитарной массовой умодробилки впервые за 300 лет её истории определит не волевое решение сверху, а конкуренция двух видов аттестатов — снизу. Только так, похоже, можно впрыснуть «бактерию рынка» в ткань хронически больного организма. Сеять же конкуренцию не «внутри», а между школами опасно и бессмысленно, ведь большинство родителей ведут, как правило, детей в ближайшее к дому учебное заведение, чтобы не возить за тридевять земель. В итоге получаем конкуренцию прописок и почтовых адресов, а вовсе не педагогических услуг...

...Снова задаю себе вопрос: ну неужели у нас нет другого выбора? И сам же себе отвечаю: у нас — нет. Зато у детей и педагогов завтрашней Службы полного дня выбора будет — хоть отбавляй! ■

